

Настроение литературныхъ произведений Чехова можно угадать уже по грустному, пытливому взгляду его глазъ.

Характеръ человѣка, радость или печаль его дѣтства, обстоятельства, въ которыхъ началась его сознательная жизнь, окружающіе люди, силы и здоровье его, все это—множество причинъ, которыя заставляютъ писателя такъ или иначе смотрѣть на жизнь, замѣчать и отражать преимущественно однѣ или другія ея стороны.

Видно, мало дала жизнь и даже мало показала радости Чехову. Жалостная нотка звучитъ почти во всѣхъ его произведеніяхъ. Не онъ со своими героями господствовалъ надъ жизнью и направлялъ ее по-своему. А жизнь ломала, калѣчила и извращала его героевъ. Въ нихъ слабость и непротивленіе славянской природы достигли высшаго своего выраженія. Они—Обломовы, еще болѣе несчастные, чѣмъ первозданный Обломовъ, потому что они болѣе чуткіе, болѣе дѣятельные, но столь же, въ общемъ, безсильные. Галерея Чеховскихъ типовъ сродна въ этомъ отношеніи съ героемъ знаменитаго романа крупнѣйшаго современнаго славянскаго писателя, Сенкевича, *Безъ догмата*, въ которомъ такъ ярко обрисована проклятая „славянская непроизводительность“.

Не то, чтобъ у этихъ людей не было духовнаго содержанія. Посмотрите на доктора Астрова въ *Дядю Ваню*, на самого дядю Ваню. Они хорошіе люди, жизнь ихъ была полна сочувствія, желанія добра ближнимъ. Но одинъ вязнетъ въ провинціальной средѣ и спивается; другой убѣждается, что все самоотверженіе его жизни было совершенно задаромъ, что человѣкъ, на котораго онъ работалъ, зарывъ въ эту работу свою молодость, — бездарная и пошлая тупица. И крикъ его, когда онъ хочетъ стрѣляться, о томъ, что его жизнь прошла даромъ, какъ болѣзненно и понятно отзовется въ тѣхъ людяхъ, которые тоже обманулись, тоже не нашли своего пути.

А изъ какихъ невыносимыхъ страданій сплетена жизнь молодого Треплева въ *Чайкѣ*! Какъ задаромъ гибнетъ Нина Зарѣчная въ рукахъ влюбленнаго въ себя, мелкодушнаго писателя Тригорина, когда около нея — обожающій ее Треплевъ. И тутъ жизнь налутала и надругалась.

Господи, какъ не стосковаться среди этихъ лицъ, какъ не заразиться глубокимъ уныніемъ, и, несомнѣнно, Чеховъ навелъ не мало пессимизма на подроставшую молодежь. Надо быть очень стойкимъ, чтобы не поддаться гипнозу его унынія.

Разъ въ Москвѣ на представленіи *Дяди Вани* я встрѣтилъ знакомаго, очень бодро настроеннаго и энергичнаго, студента. Онъ сказалъ, что третій разъ смотритъ пьесу.

— Что-жъ она вамъ говоритъ? Вѣдь вы не такъ относитесь къ жизни.

— А то, что я даю себѣ слово

прожить иначе, чѣмъ жили они. Это — предупрежденіе.

Нѣтъ ли историческаго объясненія для этого современнаго унынія?

Разбуженная отъ спячки къ самодѣятельности Гоголемъ, пристегнутая Щедринымъ, русская интеллигенція чувствуетъ, что не можетъ уже жить растительною жизнью, а жить культурно, утративъ *спру*, тоже не можетъ, а потому выбилась изъ колеи и пасуетъ предъ непосильною задачей.

Вѣдь, при духовной уравниловкѣ характера, тотъ же Астровъ оздоравливалъ бы свой уѣздъ и чувствовалъ бы себя полезною частью великой мирно-работающей арміи. Дядя Ваня еще успѣшнѣе занимался бы хозяйствомъ и не считалъ бы, что прожилъ бесплодно. Но, увы, порывы и замыслы нашей интеллигенціи не соразмѣрны съ ея дѣйствительными силами и значеніемъ. Страстное желаніе работать, при отсутствіи упорства въ трудѣ, большія претензіи и полное духовное банкротство, объясняющіяся неимѣніемъ какого-нибудь прочнаго міросозерцанія, управляющаго жизнью: вотъ одна изъ причинъ современнаго пессимизма интеллигенціи.

Успѣхъ Чехова тѣмъ и объясняется, что онъ понялъ и отразилъ переживаемую нами эпоху *душевнаго безвременья*.

* *

Въ немъ были тѣ струны, которыя всегда одѣлывалъ читатель: глубокое милосердіе и умственная мягкость.

Изъ русскихъ современниковъ, никто лучше его съ Короленкой не рисовалъ несложнаго, но заколдованнаго міра русской дѣтвора. А въ эту область проникаютъ лишь немногіе волшебники, вооруженные чудодѣйственнымъ ключомъ любви.

Но лучшими созданіями его являются женскіе типы.

Мысль той женщины въ *Ивановѣ*, которая на вопросъ, за что женщины любятъ людей причиняющихъ имъ много горя, объясняетъ, что любовь къ такимъ людямъ является высшимъ напряженіемъ душевной силы, — какъ эта мысль, никѣмъ раньше не высказанная, ярко освѣщаетъ громадный моментъ въ душевной жизни русской женщины!

Вотъ, прямая и цѣльная Нина Зарѣчная, съ ея восхитительно-выраженной мечтой о значеніи писателя (сцена на дугу), съ подчеркнутыми въ книгѣ для Тригорина словами: „Если тебѣ нужна моя жизнь, возьми ее“, и съ ея выстраданною фразой: „Когда я думаю о моемъ призваніи, я не боюсь жизни!“

Вотъ, наконецъ, и грустная, несчастная Соня изъ *Дяди Вани*.

И ее жизнь жестоко обидѣла. И въ концѣ пьесы, оставшись вдвоемъ съ горемыкой-дядей, она говоритъ свой знаменитый монологъ—поддерживающую ее мечту о томъ вѣчномъ краѣ, гдѣ, среди безконечной красоты, они „отдохнуть“. — „Мы придемъ къ Богу и расскажемъ, какъ мы много страдали, — и тамъ мы отдохнемъ.“

Много думъ возбуждаетъ эта лучшая, быть-можетъ, и глубочайшая во всемъ Чеховѣ страница, въ которой ясно поставлено единственно-правильное разрѣшеніе самыхъ проклятыхъ и тревожныхъ жизненныхъ вопросовъ.

Да, никакіе когти жизни не выцарапаютъ изъ русской души безсознательнаго, быть-можетъ, неяснаго, но не вытравляемаго изъ нея ожиданія и страстной надежды на это вѣрное прибѣжище послѣ блѣдной прозы земной жизни.

„Тамъ мы отдохнемъ, отдохнемъ!“

Пусть же тамъ, среди вѣчнаго праздника, будетъ легко душѣ поэта, измученной нашими блѣдными, томительными буднями, нашими напрасными порывами, разбитыми мечтами, всею сѣростью и неприкрашенностью нашего быта.

Е. ПОСЕЛЯНИНЪ.

Московские ведомости. Москва. 1904. 5 мая.